

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ TOPICAL ISSUES OF WORLD HISTORY

УДК 93(37).03

DOI 10.52575/2687-0967-2024-51-1-5-14

Оригинальное исследование

Историческая память о Кавдинской битве 321 г. до н. э. в античной традиции

Черкасов А.И.

Северо-Кавказский федеральный университет,
Россия, 355017, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1

E-mail: arteomcherckasov@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется эволюция исторической памяти в античной историографии и отдельные проблемные вопросы, связанные с Кавдинскими событиями 321 г. до н. э. На основе «синтезного» подхода, объединяющего традиционные позитивистские методы и новые инструменты исторической памяти, выявлены четыре исторические традиции (анналистическая, греческая, родовая, «ливиевая»), определены места консенсусной и конфликтной памяти и прослежены мнемонические стратегии принятия травмы прошлого в трудах древних авторов. Также в результате определения этапов искажения памяти о событии удалось выявить наиболее ранний слой в сохранившихся традициях, который позволяет подтвердить достоверность отказа Рима от Кавдинского договора и пересмотреть ряд доминирующих гиперкритических положений.

Ключевые слова: историческая память, Кавдинская битва, Самнитские войны, анналистическая историография, Ливий, раннереспубликанский Рим, самниты

Для цитирования: Черкасов А.И. 2024. Историческая память о Кавдинской битве 321 г. до н. э. в античной традиции. *Via in tempore. История. Политология*, 51(1): 5–14. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-1-5-14

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Historical Memory of the Battle of Caudium 321 B.C. in the Ancient Tradition

Artem I. Cherkasov

North-Caucasus Federal University,
1 Pushkin St., Stavropol 355017, Russia

E-mail: arteomcherckasov@mail.ru

Abstract. The article examines the Battle of Caudium 321 B.C. as the traumatic place of memory in the classical ancient intellectual heritage and the number of specific problematic issues of the topic. Based on the «synthetic» approach, which combines the methodology of positivism and historical memory, the work identified annalistic, Greek, family and Livy's traditions, determined places of consensus and conflict memory and traced mnemonic strategies of taking past trauma in classical ancient historiography. The author concludes that in the II century B.C. the annalistic tradition adhered to the strategy of «normalization» of memory, which was also facilitated by the understanding of the past trauma in the Greek

tradition. However, during the same period, the family tradition attempted to change the memory of the event in the direction of «glorification». In I century B.C., the nostalgia factor in the era of crisis of the Republic led to the emergence of the Livy's tradition, which established «glorification» as the dominant mnemonic strategy and almost completely supplanted all other forms of memory of the Caudine battle. Identification of the stages of memory distortion also allowed determining the earliest layer of tradition, which confirms the authenticity of Rome's rejection of the Caudine treaty.

Keywords: historical memory, battle of Caudium, Samnite wars, annalistic historiography, Livy, early republican Rome, Samnites

For citation: Cherkasov A.I. 2024. Historical Memory of the Battle of Caudium 321 B.C. in the Ancient Tradition. *Via in tempore. History and political science*, 51(1): 5–14 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-1-5-14

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Период Самнитских войн был насыщен множеством ярких побед и тяжёлых поражений римской армии, однако из всех них только Кавдинская битва приобрела особое значение для квиритов. Как это ни парадоксально, но память о военном поражении и позорном мире утвердилась в римской историографии в качестве одного из ключевых событий прошлого и продолжала воспроизводиться в работах различных авторов на протяжении многих веков. Тем не менее неблагоприятный характер события обусловил попытки древних историков видоизменить прошлое, что в итоге привело к появлению множества конфликтующих между собой интерпретаций. Наличие значительного числа противоречий в источниках породило и ряд проблемных вопросов в научной историографии. На протяжении двух последних веков исследователи, опираясь исключительно на традиционные позитивистские методы, приложили немалые усилия для решения существующих проблем, связанных с Кавдинской битвой [Майорова, 1996; Salmon, 1929; De Visscher, 1946; Crawford, 1973; Tullio, 1993; Urso, 1997; Briquel, 2006]. Однако на современном этапе исследований по-прежнему сохраняется множество дискуссионных вопросов, в решении которых требуется привлечение новых методов, в данном случае возникших в рамках направления *Memory studies*. Исследования в ракурсе исторической памяти являются особенно актуальными при изучении ранней римской истории, поскольку без рассмотрения эволюции воспоминаний о прошлом в трудах античных авторов невозможно приблизиться к понимаю объективной реальности. Комплексное изучение различных аспектов Кавдинской битвы также важно для понимания не только истории Рима, но и прошлого самнитов, историческая память о которых сохранилась только во внешних источниках.

«Мемориальный поворот», произошедший в исторической науке на рубеже XX–XXI вв., актуализировал исследования в русле нового направления [Леонтьева, 2015, с. 59], однако его междисциплинарный подход, синтезировавший методы истории, социологии и психологии, требует краткого предварительного пояснения теоретической основы и терминологического аппарата, используемых в статье. Следуя за определением Л.П. Репиной, «историческую память» в широком смысле можно трактовать как совокупность различных представлений социума об общем прошлом [Репина, 2006, с. 23]. Теоретическая основа нового направления тесно связана с двумя предшествующими концепциями: «коллективного сознания» Э. Дюркгейма, определившего его как совокупность убеждений и чувств, единых для одного общества [Durkheim, 1893, p. 84], и «коллективной памяти» М. Хальбвакса, который под предложенным термином подразумевал общие представления группы людей о событиях прошлого [Halbwachs, 1925, p. 377]. Важное значение также имеет концепция «мест памяти» П. Нора как ключевых свидетельств прошлого, память о которых поддерживается людьми настоя-

щего в материальной или духовной культуре [Nora, 1984, p. 24]. «Героический» или «травматический» характер исторических событий обуславливает различные стратегии принятия прошлого, которых в современной теории исторической памяти выделяется 6 видов – «героизация», «виктимизация», «рессентимент», «ностальгия», «нормализация прошлого» и «проработка прошлого» [см.: Леонтьева, 2015, с. 83].

Объект и методы исследования

В связи с этим объектом исследования является Кавдинская битва как травматическое место памяти в античном интеллектуальном наследии. Хотя древние авторы и представляли собой лишь ограниченную группу интеллигенции, их восприятие прошлого играло важную роль в сохранении и конструировании коллективной памяти, являясь своего рода ориентиром, целостно освещающим историческую действительность. Именно поэтому в силу отсутствия сохранившихся воспоминаний простых квиритов труды древних историков выступают единственной формой изучения памяти о ранних периодах римской истории. Однако в отличие от «классических» исследований исторической памяти мы не будем ограничиваться только изучением субъективных представлений о прошлом, но также обратимся и к проблемам, которые связаны с пониманием объективной реальности. Без изучения вопросов о достоверности сведений различных авторов в данном случае невозможно проследить эволюцию коллективных представлений, поскольку изначальное историческое ядро события остаётся неоднозначным и дискуссионным. Память как субъективное представление о прошлом и история как научное знание об объективной реальности являются двумя взаимосвязанными элементами, которые, по точному выражению Л.П. Репиной, «постоянно подпитывают друг друга» [Репина, 2006, с. 39]. Отделение одного от другого не принесёт столь значимых результатов, как при использовании «синтезного» подхода, объединяющего традиционные позитивистские методы критического анализа источника и «новые» инструменты исторической памяти, нацеленные на изучение эволюции коллективных представлений о прошлом посредством анализа «кейсов», дискурсов и нарративов, выраженных в текстовой или визуальной форме. Только в единстве двух методологических систем через изучение субъективного и объективного прошлого можно познать событие во всей его полноте.

Результаты и их обсуждение

Историческая память о Кавдинском сражении и мире сохранилась во множестве различных источников, которые можно сгруппировать в четыре основные традиции, взяв за критерий выделения общий взгляд нескольких авторов на ключевые детали в описании события. Для дальнейших дискуссий по проблемным вопросам необходимо кратко осветить содержание каждой традиции:

1) «Ливиева» традиция (последняя треть I в. до н. э. – V в.) – представляет собой работу Ливия и совокупность трудов античных авторов, опирающихся на неё в описании Самнитских войн. Данная версия событий стала своего рода «канонической» и практически не подвергалась сомнению в период Империи. Согласно традиции, в 321 г. до н. э. римляне с целью оказать помощь осаждённой Луцерии отправили войска по кратчайшему пути через Самний, однако в результате этого они попали в засаду в Кавдинском ущелье (Liv.IX.2; De vir.ill.XXX.2–3). Самнитский военачальник Понтий, обдумывая как лучше поступить с окружёнными, обратился за советом к своему отцу Гереннию, который предложил либо отпустить римлян невредимыми, либо всех их перебить, однако в итоге он выбрал средний путь (Liv.IX.3.4–11; Val.Max.VII.2.17 ext.; Flor.I.11.10–11; De vir.ill. XXX.3–4; Oros.III.15.3). Понтий потребовал освободить захваченные самнитские земли и возобновить равноправный союз (Liv.IX.4.4), а после согласия консулов Постумия Альбина и Ветурия Кальвина провёл всех захваченных римских воинов под «ярмом» (Liv.IX.6.1–3; Val.Max.V.1.5 ext.;

VII.2.17 ext.; Flor.I.11.11; Gell.XVII.21.36; Amp.XX.10; XXVIII.2; De vir.ill.XXX.4; Eutr.II.9.1; Oros.III.15.5), оставив только 600 всадников в качестве гарантии ратификации мира (Liv.IX.5.1–6; Oros.III.15.6). В описании капитуляции Ливий изображает самнитов как высокомерных, жестоких и бесчестных (Liv.IX.5.12–13; 6.2), противопоставляя им добродетельность союзной Капуи, которая предоставила консулам с армией, возвращавшимся в Рим, оружие, коней, одежду и продовольствие (Liv.IX.6.5–7; Val.Max.V.1.5 ext.). Однако в рамках традиции наблюдаются расхождения в отношении формы соглашения: Ливий пишет о заключении sponsionis («клятвенного поручительства») (Liv.IX.5.2–4), в то время как остальные авторы периода Империи сообщают о подписании foederis («договора») (Val.Max.VI.1.9; Flor.I.11.11; Amp.XX.10; De vir.ill.XXX.4; Oros.III.15.7) либо просто мира (Gell.XVII.21.36). Тем не менее далее все авторы едины во мнении, что по возвращении армии Сенат отказался ратифицировать мир (De vir.ill.XXX.4; Eutr.II.9.2; Oros.III.15.8), выдав самнитам всех причастных к заключению соглашения по предложению самих консулов (Liv.IX.8–10; Val.Max.VI.1.9; Amp.XX.10). Однако Понтий отказался принимать их (Liv.IX.11; Vell.Pat.II.1.5; De vir.ill.XXX.5), в связи с чем война продолжилась, а 600 «кавдинских» заложников были спасены в следующем году после взятия Луцерии (Liv.IX.15.7).

2) Греческая традиция (II в. до н. э. – III в.) – представлена историками эллинистического происхождения, которые писали на греческом языке. Сведения о цели военной кампании не сохранились, однако в рамках традиции упоминается преувеличенная численность римских войск, оцениваемая в 40–50 тыс. воинов (Dion.Hal.XVI.1.4; App.Samn.IV.2). Римляне, оказавшиеся в засаде, вступили в бой с самнитами (P.Oxy.XII.10), но потерпели поражение и понесли существенные потери, по сведениям Аппиана, погибла часть командного состава (Samn.IV.6), а по сообщению Аристида Милетского, были разгромлены три легиона и даже сам консул Постумий Альбин получил смертельное ранение, но, несмотря на это, после битвы принёс подношение Юпитеру из щитов мёртвых врагов (FGrH 286 F.3). Консулы в конечном итоге пошли на переговоры с Понтием, который, после беседы с отцом (App.Samn.IV.4), потребовал от римлян освободить захваченные земли и больше не воевать против самнитов (App.Samn.IV.5). Консулы вынуждены были принять требования, скрепив соглашение в форме sponsionis (App.Samn.IV.6; Dio.Cass.Fr.VIII.19), и оставить знатных всадников в заложники (App.Samn.IV.4). Однако в греческой традиции даётся просамнитская трактовка отношения победителей к сдавшимся, в частности Понтий предоставил римлянам «возможность в одном одеянии невредимо пройти под ярмом» и «дал им несколько выючных животных для больных и пищу, чтобы они могли дойти до Рима» (App.Samn.IV.5–6). По возвращении в столицу Сенат отказался признавать мир и выдал виновных самнитам, однако Понтий не принял их, вследствие чего война продолжилась (Plut.Ti.Cracch.7; Dio.Cass.Fr.VIII.36.19–20).

3) Анналистическая традиция (первая половина I в. до н. э.) – представлена фрагментами работы Клавдия Квадригария и отдельными отрывками трудов Цицерона, в которых сохранились сведения анналистов. В рамках традиции упоминается Понтий и его отец (FRHist 24 F.12; De sen.41; De off.II.75), кратко сообщается о битве в Кавдинском ущелье (Cic.De off.III.109; De sen.XII.41), заключении foederis (FRHist 24 F.13; Cic.De inv. II.91), 600 заложниках (FRHist 24 F.14–15), отказе Сената ратифицировать соглашение и выдаче самнитам всех к нему причастных (Cic.De off.III.109; De inv.II.91). Однако в отличие от других традиций во фрагменте работы Клавдия Квадригария косвенно сообщается о казни 600 «кавдинских» заложников: «когда об этом узнали родственники заложников, которые, как отмечалось ранее, были переданы Понтию, то их родители с близкими, распустив волосы, выбежали на дорогу» (FRHist 24 F.14). В данном случае о казни заложников свидетельствует примечание о публично распущенных волосах, что в римском обществе являлось символом женского траура [см.: Сергеенко, 1964, с. 216].

4) Родовая традиция (II в. до н. э.) – представлена денарием Тиберия Ветурия ок. 137 г. до н. э. На аверсе монеты отчеканена голова Марса с легендой TI.VET (Тиберий Ветурий),

а на реверсе изображена сюжетная сцена: в центре находится сидящий человек со свиньёй в руках, к которой приставили ножи две стоящие персоны по краям [Crawford, 1973, p. 4]. Учитывая датировку монеты, можно было бы предположить, что сцена на реверсе изображала заключение Нумантинского мира 137 г. до н. э., поскольку, как отмечает Ливий, свинья приносилась в жертву двумя фециалами во время заключения договора (IX.5.3), а изображение Марса явно указывает на военный контекст. Однако «нумантинская» трактовка вступает в противоречие с родовым характером монеты. Упомянутый денарий представляет собой разрыв с предшествующей нумизматической традицией как на аверсе, где изображён Марс вместо Ромы, так и на реверсе, на котором вместо сюжета общественного характера представлена сцена из семейной истории [Crawford, 1973, p. 4]. Сам же монетарий Тиберий Ветурий никак не был связан с Нумантинскими событиями 137 г. до н. э., в связи с чем сцена ритуального заключения договора должна была относиться к одному из эпизодов родовой истории Ветуриев. При внимательном рассмотрении монеты можно заметить, что два крайних персонажа одеты в доспехи, которые не носили фециалы, следовательно, они являлись полководцами, занимавшими парную консульскую должность. Однако подписание договора консулами вместо фециалов, вопреки римским обычаям, являлось настолько экстраординарной практикой, что в родовой истории Ветуриев происходило лишь единожды – во время заключения Кавдинского мира, с которым, вероятно, и связано изображение на денарии. Большинство исследователей разделяют «кавдинскую» трактовку монеты [Beloch, 1926, s. 397; Crawford, 1973, p. 5; Urso, 1997, p. 243–244], которая к тому же подтверждается Цицероном, сообщающим, что при подписании договора 321 г. до н. э. знатный юноша по приказу полководца держал жертвенную свинью (De inv. II.91). Тем не менее сходные по характеру Нумантинские события, по всей видимости, послужили поводом для Тиберия Ветурия вспомнить о своём предке, заключившем Кавдинский договор [Roy, 2023, p. 344].

При рассмотрении четырёх имеющихся традиций можно выявить консенсусную и конфликтную память о Кавдинской битве. К первой относится история беседы Понтия со своим отцом, передача 600 заложников самнитам и отказ Рима от мирного соглашения, которые упоминаются в «ливиевой», греческой и анналистической традициях. Однако многие детали Кавдинских событий носят конфликтный характер, как, например, память о ходе битвы, отношении победителей к сдавшимся, судьба 600 заложников и форма мирного соглашения. Также неоднозначными являются сведения «ливиевой» традиции о целях кампании 321 г. до н. э. и сообщение греческой традиции о численности римской армии. Обозначенные места в конфликтной памяти до сих пор вызывают дискуссии среди исследователей, поэтому стоит подробнее остановиться на некоторых ключевых проблемных вопросах и критически проанализировать имеющиеся традиции.

Первая проблема связана с противоречивым описанием хода битвы между «ливиевой», греческой и анналистической традициями. При сопоставлении различных версий можно увидеть, что только Ливий отрицает факт сражения, и, кроме того, противоречит сам себе, сначала отмечая, что «многие из окружённых попали в плен при тщетных попытках пробиться» (IX.4.1), но далее сообщая, что римляне «в бой не вступали» (IX.5.10). Крайняя противоречивость Ливия при наличии консенсуса в двух других традициях позволяет согласиться, что сражение в Кавдинском ущелье действительно состоялось [De Sanctis, 1907, p. 313; Salmon, 1929, p. 12; Tullio, 1993, p. 7]. Однако несколько странной видится версия Аристида, которая не находит точек соприкосновения ни в одной из имеющихся традиций, кроме того, греческий автор подозрительно акцентирует внимание только на Постумии Альбине, даже не упоминая второго консула. Учитывая время жизни греческого автора (II в. до н. э.) и присутствие деталей, героизирующих действия только одного консула, можно предположить, что первоисточником Аристида являлась работа историка Постумия Альбина, который мог исказить эпизод для того, чтобы снять ответственность со своего предка

за капитуляцию [Engerbeaud, 2017, p. 446], в частности «смертельное ранение» не позволило бы ему участвовать в заключении позорного мира.

Вторая проблема, связанная с формой соглашения, является одной из наиболее противоречивых в описании Кавдинских событий. Ливий и греческие авторы сообщают о заключении *sponsio*, однако в рамках анналистической и родовой традиций, а также «ливиевой» имперского периода приводится версия с подписанием *foederis*. Исследователи, придерживающиеся первой версии [Майорова, 1996, с. 77; Mainardis, Zaccaria, 2004, p. 141; Briquel, 2006, p. 29], акцентируют внимание на сведениях Ливия и Аппиана, которые сообщают, что им известны имена всех клятвенно поручившихся – консулов, легатов, трибунов и квесторов, заключивших мир вместо отсутствовавших фециалов (Liv.IX.5.3–4; App.Samn.IV.6). Однако сведения об участниках соглашения могли сохраниться только при подписании договора, который составлялся в письменном виде, в отличие от клятвенного поручительства, приносившегося в устной форме [см.: Покровский, 1998, с. 397]. Аргумент в пользу противоположной версии *foederis*, как это ни парадоксально, приводит сам Ливий, который выступает против неё, в частности он сообщает о существовании «письменного свидетельства» в работе Клавдия Квадригария и отмечает, что заключение договора в ущелье считалось «общепринятым мнением» в его время (IX.5.2). В связи с этим можно согласиться с группой исследователей, разделяющих вторую версию [Tullio, 1993, p. 8; Oakley, 2005, p. 31–32; Briscoe, 2013, p. 307; Engerbeaud, 2017, p. 432].

Заключение договора консулами в Кавдинском ущелье в отсутствие фециалов являлось прямым нарушением установлений римской *civitatis*, что неизбежно накладывало отпечаток позора на весь род Ветуриев и Постумиев. Однако память о поражении прочно укоренилась в коллективном сознании квиритов, которую было крайне сложно предать забвению, именно поэтому Ветурии выбрали путь «героизации» травмы прошлого, попытавшись оправдать действия своего предка посредством увековечивания Кавдинского договора на монетах. Вероятно, подобным образом они стремились интегрировать в общую историческую память идею о действиях Ветурия Кальвина как самопожертвенном подвиге, в рамках которого он ради спасения своих воинов осознанно нарушил религиозно-правовые установления римской *civitatis*, понимая, что по возвращении домой его постигнет неминуемое наказание. В данном ракурсе Дж. Урсо проводит интересную параллель с событиями в Дюнкерке в 1940 г., когда спасение британской армии из немецкого окружения было воспринято английским обществом в качестве победы [Urso, 1997, p. 247, n. 27]. Возможно, подобным образом Ветурии пытались трактовать Кавдинский договор, однако римское общество в силу своего сурового и воинственного менталитета не восприняло новую версию событий, что видно всего по одной фразе – «женщины горько оплакивали позорно спасённых как умерших» (App.Samn.IV.7).

Третья проблема, связанная с вопросом о ратификации мира и судьбой 600 заложников, является ключевой во всём описании Кавдинских событий. Подавляющее большинство исследователей, начиная с XIX в. и до начала XXI в., последовательно придерживается версии о вступлении в силу мирных соглашений [Niebuhr, 1842, p. 221; Burger, 1898, s. 43; De Sanctis, 1907, p. 314; Beloch, 1926, s. 398; Adcock, 1928, p. 599–600; De Visscher, 1946, p. 83; Crawford, 1973, p. 6–7; Tagliamonte, 1996, p. 144; Forsythe, 2005, p. 301; Oakley, 2005, p. 31; Bleicken, 2012, s. 50; Blösel, 2015, s. 71]. В качестве основного аргумента выдвигается предположение, что версия об отказе от договора была изобретена поздними анналистами на основе сходных Нумантинских событий 137 г. до н. э. с целью смягчить позор поражения [Oakley, 2005, p. 31]. Наряду с этим Г. Де Санктис в качестве аргумента приводит необходимость перерыва для восстановления сил римской армии [De Sanctis, 1907, p. 314], а К.Ю. Белох считает, что у Рима отсутствовали причины отказываться от договора, поскольку условия мира были очень мягкими [Beloch, 1926, s. 398]. Ф. Эдкок, в свою очередь, обращает внимание на невозможность отказа от соглашения в условиях нахождения в за-

ложниках 600 знатных всадников [Adcock, 1928, p. 599–600]. Наконец, Ф. Де Вишер подкрепляет версию религиозным аспектом, согласно которому римляне не могли нарушить договор, поскольку в таком случае нанесли бы оскорбление богам [De Visscher, 1946, p. 88–89].

Несмотря на широкую аргументацию, версия сторонников ратификации мира содержит ряд шатких положений: во-первых, сходство двух событий не обязательно говорит в пользу фальсификации одного из них; во-вторых, Кавдинское поражение не нанесло серьёзного ущерба военным силам Рима, поскольку армия была сохранена; в-третьих, сложно назвать условия мира «мягкими», учитывая, что самниты потребовали от римлян покинуть Фрегеллы, из-за которых началась война; в-четвёртых, заложники действительно являлись проблемой для Сената, но это не означает, что он не мог ими пожертвовать ради Республики, учитывая суровый менталитет ранних квиритов; в-пятых, религиозный аспект не являлся существенным препятствием для Рима, поскольку он неоднократно нарушал договорённости, создавая видимость справедливости, которая использовалась для оправдания не только перед людьми, но и перед богами. И, наконец, самое главное – все античные авторы, упоминающие Кавдинские события, единогласно пишут об отказе от договора, причём в источниках нет ни малейших следов альтернативной традиции, в которой бы мир соблюдался. Особое значение имеет и наиболее раннее упоминание Клавдия Квадригария о казни 600 заложников, чего бы не могло произойти, если бы мирное соглашение вступило в силу. Тем самым можно согласиться с немногочисленными исследователями, разделяющими версию с отказом от договора [Ihne, 1871, p. 399; Briscoe, 2013, p. 307]. Примечательно, что в отличие от многих других деталей в описании Ливия авторы периода Империи не восприняли его патриотическую версию со спасением заложников, но в то же время они и не стали упоминать о суровой реальности, предпочтя просто предать забвению память о судьбе 600 всадников.

Заключение

Кавдинская битва является одним из уникальных примеров, когда травматическое воспоминание превратилось в место памяти в коллективном сознании общества. Опыт изучения нескольких традиций о конкретном событии позволяет выявить различные стратегии принятия травмы прошлого через призму восприятия древних историков, которые в данном случае конструировали «образец» коллективной памяти. Первоначально воспоминания о Кавдинской битве подверглись «нормализации» в анналистической традиции, т. е. военное поражение перестало восприниматься в качестве позорного события, поскольку в конечном итоге римляне одержали победу в войне с самнитами, а травма прошлого превратилась из негативного воспоминания в образцовый пример несокрушимой воли квиритов. Именно поэтому в ней можно встретить неблагоприятные для римлян сведения о заключении и расторжении мирного договора, а также казни 600 заложников. Процессу «нормализации» памяти также способствовало осмысление травмы прошлого в греческой традиции, которая не была подвержена влиянию патриотизма по отношению к римской истории. Однако работы эллинических авторов сохранились по большей части от позднего времени, поэтому их сведения представляют собой смешение «ливиевой» и чистой греческой традиций. С одной стороны, в ней упоминается о заключении *sponsionis*, но с другой – даётся просамнитская трактовка отношения победителей к сдавшимся legionарам.

Параллельно формировалась иная мнемоническая стратегия в рамках родовой традиции. Потомки Ветурия Кальвина избрали путь «героизации» прошлого, трактуя действия своего предка в качестве самопожертвенного подвига, возможно, аналогичная стратегия была использована и родом Постумиев, если сведения Аристиды действительно восходят к работе историка Постумия Альбина. Однако в коллективной памяти продолжала преобладать стратегия «нормализации», сформированная анналистами во II в. до н. э., в то время как путь «героизации» в родовой традиции оставался второстепенным.

Изменения в восприятии Кавдинской битвы начали происходить только в I в. до н. э., когда «нормализация» памяти начала вытесняться стратегией «героизации» в античной историографии, что во многом уже было связано не столько с патриотическими устремлениями отдельных авторов или родов, сколько с периодом кризиса Республики. В эпоху гражданских войн, общей политической нестабильности и упадка нравственности многие римляне, разочарованные в современном состоянии государства, стремились найти величие своего народа в деяниях ушедших веков. Фактор ностальгии повлиял на идеализацию прошлого и стал отправной точкой для формирования «ливиевой» традиции, которая впоследствии займёт доминирующие позиции в коллективном сознании римлян. Особенностью «ливиевой» традиции являлась «героизация» прошлого, но в отличие от родовой она применялась в отношении не только отдельных семей, но и всех выдающихся римлян. Одновременно вносились детальные корректировки в историческую память, когда она не соответствовала ностальгическим представлениям Ливия. Так, например, блестяще устроенная самнитская засада в ущелье преподносится не как явный военный просчёт консулов, а как следствие вынужденных действий римлян. Наряду с этим даётся проримская трактовка отношения самнитов к сдавшимся легионерам с целью «демонизировать» образ врага, также создаётся миф о благополучном спасении 600 заложников вместо более ранней версии об их казни. Наконец, изменяется память о форме Кавдинского соглашения, вместо foederis появляется sponsio с целью смягчить тяжесть вины Рима за нарушение мирного договора. Одновременно «героизируются» образы сдавшихся консулов, которые в новых трактовках больше не являются виновниками, а вместо этого предстают спасителями римского войска, т. к. они по личной инициативе самопожертвенно предлагают себя выдать самнитам, чтобы снять ответственность с римской civitatis.

В конечном итоге изучение форм и эволюции исторической памяти позволяет понять не только субъективное восприятие событий прошлого отдельными обществами, но и определить совершенно конкретные факты объективной реальности. В данном случае изучение четырёх традиций о Кавдинской битве позволило выявить наиболее ранний слой исторической памяти, единственный фрагмент которого сохранился в работе Клавдия Квадригария. Сведения о казни 600 заложников также позволяют подтвердить сообщения более поздних традиций и отказаться от преобладающей на сегодняшний день версии о ратификации мира, которая сохранилась в научной историографии как пережиток гиперкритицизма.

Список литературы

- Леонтьева О.Б. 2015. «Мемориальный поворот» в современной российской исторической науке. Диалог со временем, 50: 59–96.
- Майорова Н.Г. 1996. Власть трибунов и фециальное право в Риме IV в. до н. э.: к интерпретации Кавдинского эпизода. IVS ANTIQVVM. Древнее право, 1: 76–79.
- Покровский И.А. 1998. История римского права. СПб., Летний сад, 560.
- Репина Л.П. 2006. Память и историописание. В кн.: История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени. М., Кругъ: 19–46.
- Сергеенко М.Е. 1964. Жизнь древнего Рима: очерки быта. М., Наука, 335.
- Adcock F.E. 1928. The Conquest of Central Italy. In: The Cambridge Ancient History. Vol. VII. Cambridge, Cambridge University Press: 581–616.
- Beloch K.J. 1926. Römische Geschichte bis zum Beginn der punischen Kriege. Leipzig, De Ciryter & Co, 664.
- Bleicken J. 2012. Die Römische Republik. München, Oldenbourg Wissenschaftsverlag, 127.
- Blösel W. 2015. Die römische Republik: Forum und Expansion. München, C.H. Beck, 304.
- Briquel D. 2006. La guerre à Rome au IVe siècle: une histoire revue et corrigée, remarques sur le livre 9 de Tite-Live. In: Guerre et diplomatie romaines (IV–III siècles). Provence, Université de Provence: 27–40.
- Briscoe J. 2013. Q. Claudius Quadrigarius: Commentary. In: The Fragments of the Roman Historians. Vol. 3: Commentary. Oxford, Oxford University Press: 300–329.

- Burger C.P. 1898. *Der Kampf zwischen Rom und Samnium, bis zum vollständigen Siege Roms, um 312 v. Chr.* Amsterdam, J. Müller, 80.
- Crawford M.H. 1973. *Foedus and Sponsio. Papers of the British School at Rome*, 41: 1–7.
- De Sanctis G. 1907. *Storia dei Romani. Vol. 2.* Torino, Fratelli Bocca, 575.
- De Visscher F. 1946. *La deditio internationale et l'affaire des Fourches caudines. Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres.* 90 (1): 82–95.
- Durkheim E. 1893. *De la division du travail social: étude sur l'organisation des sociétés supérieures.* Paris, Alcan, 471.
- Engerbeaud M. 2017. *Rome devant la défaite (753–264 avant J.-C.).* Paris, Les Belles lettres, 590.
- Forsythe G. 2005. *A Critical History of Early Rome.* Berkeley, University of California Press, 400.
- Halbwachs M. 1925. *Les Cadres sociaux de la mémoire.* Paris, Alcan, 404.
- Ihne W. 1871. *The History of Rome. Vol. 1.* London, Longmans, Green and Co, 575.
- Mainardis F., Zaccaria C. 2004. *L'egemonia nell'Italia centro-meridionale.* In: *Storia di Roma antica.* Roma, Newton and Compton: 137–152.
- Niebuhr B.G. 1842. *The History of Rome. Vol. 3.* London, Taylor and Walton, 717.
- Nora P. 1984. *Entre mémoire et histoire.* In: *Les Lieux de mémoire. T. 1.* Paris, Gallimard: 15–42.
- Oakley S. 2005. *A Commentary on Livy Books VI–X. Vol. 3: Book IX.* Oxford, Clarendon Press, 758.
- Roy A. 2023. *Exchanging Memories: Coins, Conquest, and Resistance in Roman Iberia.* In: *Cultural Memory in Republican and Augustan Rome.* Cambridge, Cambridge University Press, 333–354.
- Salmon E.T. 1929. *The Pax Caudina.* *The Journal of Roman Studies*, 19: 12–18.
- Tagliamonte G. 1996. *I Sanniti: Caudini, Irpini, Pentri, Carricini, Frentani.* Milano, Longanesi and C., 322.
- Tullio R. 1993. *Gavio Ponzio e le Forche Caudine (Commento al libro IX di Tito Livio).* *Atene e Roma*, 38 (1): 1–17.
- Urso G. 1997. *Le Forche Caudine, media via tra vendetta e perdono.* In: *Amnistia perdono e vendetta nel mondo antico.* Milano, Vita e pensiero: 237–251.

References

- Leont'eva O.B. 2015. «Memorial'nyy povorot» v sovremennoy rossiyskoy istoricheskoy nauke [«Memorial Turn» in Modern Russian Historical Science]. *Dialogue with time*, 50: 59–96.
- Mayorova N.G. 1996. *Vlast' tribunov i fetsial'noe pravo v Rime IV v. do n. e.: k interpretatsii Kavdinskogo epizoda* [The Power of the Tribunes and Fetial Law in Rome in the IV Century. BC: Towards the Interpretation of the Caudine Episode]. *IVS ANTIQVVM. Ancient law*, 1: 76–79.
- Pokrovskiy I.A. 1998. *Istoriya rimskogo prava* [History of Roman Law]. Saint-Petersburg, Letniy sad, 560.
- Repina L.P. 2006. *Pamyat' i istoriopisanie* [Memory and the Writing of History]. In: *History and memory. Historical Culture of Europe Before the Modern Age.* Moscow, Krug": 19–46.
- Sergeenko M.E. 1964. *Zhizn' drevnego Rima: ocherki byta* [Life of Ancient Rome: Essays on Everyday Life]. Moscow, Nauka, 335.
- Adcock F.E. 1928. *The Conquest of Central Italy.* In: *The Cambridge Ancient History. Vol. VII.* Cambridge, Cambridge University Press: 581–616.
- Beloch K.J. 1926. *Römische Geschichte bis zum Beginn der punischen Kriege.* Leipzig, De Ciryter & Co, 664.
- Bleicken J. 2012. *Die Römische Republik.* München, Oldenbourg Wissenschaftsverlag, 127.
- Blösel W. 2015. *Die römische Republik: Forum und Expansion.* München, C.H. Beck, 304.
- Briquel D. 2006. *La guerre à Rome au IVe siècle: une histoire revue et corrigée, remarques sur le livre 9 de Tite-Live.* In: *Guerre et diplomatie romaines (IV–III siècles).* Provence, Université de Provence: 27–40.
- Briscoe J. 2013. *Q. Claudius Quadrigarius: Commentary.* In: *The Fragments of the Roman Historians. Vol. 3: Commentary.* Oxford, Oxford University Press: 300–329.
- Burger C.P. 1898. *Der Kampf zwischen Rom und Samnium, bis zum vollständigen Siege Roms, um 312 v. Chr.* Amsterdam, J. Müller, 80.
- Crawford M.H. 1973. *Foedus and Sponsio. Papers of the British School at Rome*, 41: 1–7.
- De Sanctis G. 1907. *Storia dei Romani. Vol. 2.* Torino, Fratelli Bocca, 575.
- De Visscher F. 1946. *La deditio internationale et l'affaire des Fourches caudines. Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres.* 90 (1): 82–95.

- Durkheim E. 1893. *De la division du travail social: étude sur l'organisation des sociétés supérieures*. Paris, Alcan, 471.
- Engerbeaud M. 2017. *Rome devant la défaite (753–264 avant J.-C.)*. Paris, Les Belles lettres, 590.
- Forsythe G. 2005. *A Critical History of Early Rome*. Berkeley, University of California Press, 400.
- Halbwachs M. 1925. *Les Cadres sociaux de la mémoire*. Paris, Alcan, 404.
- Ihne W. 1871. *The History of Rome*. Vol. 1. London, Longmans, Green and Co, 575.
- Mainardis F., Zaccaria C. 2004. *L'egemonia nell'Italia centro-meridionale*. In: *Storia di Roma antica*. Roma, Newton and Compton: 137–152.
- Niebuhr B.G. 1842. *The History of Rome*. Vol. 3. London, Taylor and Walton, 717.
- Nora P. 1984. *Entre mémoire et histoire*. In: *Les Lieux de mémoire*. T. 1. Paris, Gallimard: 15–42.
- Oakley S. 2005. *A Commentary on Livy Books VI–X*. Vol. 3: Book IX. Oxford, Clarendon Press, 758.
- Roy A. 2023. *Exchanging Memories: Coins, Conquest, and Resistance in Roman Iberia*. In: *Cultural Memory in Republican and Augustan Rome*. Cambridge, Cambridge University Press, 333–354.
- Salmon E.T. 1929. *The Pax Caudina*. *The Journal of Roman Studies*, 19: 12–18.
- Tagliamonte G. 1996. *I Sanniti: Caudini, Irpini, Pentri, Carricini, Frentani*. Milano, Longanesi and C., 322.
- Tullio R. 1993. *Gavio Ponzio e le Forche Caudine (Commento al libro IX di Tito Livio)*. Atene e Roma, 38 (1): 1–17.
- Urso G. 1997. *Le Forche Caudine, media via tra vendetta e perdono*. In: *Amnistia perdono e vendetta nel mondo antico*. Milano, Vita e pensiero: 237–251.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 19.01.2024

Received 19.01.2024

Поступила после рецензирования 22.02.2024

Revised 22.02.2024

Принята к публикации 26.02.2024

Accepted 26.02.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Черкасов Артём Игоревич, аспирант кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений, Гуманитарный институт, Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Россия

Artem I. Cherkasov, Postgraduate Student of the Department of Foreign History, Political Science and International Relations, Institute of Humanities, North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia

 [ORCID: 0000-0002-1030-197X](https://orcid.org/0000-0002-1030-197X)